
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

Большая светлая луна выглянула из-за черной, растрепанной крыши сарая и сначала как будто осмотрела двор, а потом, убедившись, что ничего страшного нет, стала круглиться, вылезать и села на самой крыше, круглая, желтая, улыбающаяся.

На дворе сразу побелело, и под заборами и сараями легли черные таинственные тени. Стало прохладно, легко и свежо. Наконец кончился жаркий, томительный день, и в первый раз вздохнулось всей грудью.

На огороде, спускающемся к реке, капуста стала как серебряная, и под каждым кочном притаилась маленькая круглая тень; а за огородом заблестел в воде широкий лунный столб, и на тысячу голосов зазвенели лягушки, точно с ними приключилась и невеста какая радость.

С улицы уже доносились пискливые звуки гармоники, голоса и смех девок.

На нашем столе, поставленном прямо во дворе, перед крыльцом, голубыми искорками заблестели стаканы и самовар, во весь свой продавленный бок постарался отразить круглое лицо луны; это, впрочем, плохо удалось, и вместо сияющей круглой рожи получилось подобие длинного желтого лимона.

Протянув усталые от дневного шатания по болотам ноги, я, доктор Зайцев и учитель Милин сидели за столом, а наш охотник – как гордо называл его доктор – захудалый мещаниншко Иван Ферапонтов, по уличному прозвищу – Дыня, в длинном черном засаленном сюртуке, сам непомерно длинный и худой, стоял в сторонке и почтительно держал в обеих руках стакан чаю.

Все охотничьи впечатления дня были уже исчерпаны и воспоминания иссякли, а уходить на сеновал спать все еще не хотелось: уж очень была хороша ночь, и луна что-то бередила в душе.

Хозяина нашего не было дома – он уехал на ночь в поле, – а прислуживала нам его жена, высокая худая баба с красивыми злыми черными глазами и подвязанной щекой.

– Что, Малаша, зубы болят? – спросил, придя в благодушное настроение, доктор.

Красивая Маланья злобно сверкнула черными глазами, рывком схватила со стола самовар и унесла в темные сени.

Дыня почтительно, но не без ехидства, хихикнул в стороне.

– Зубы! – загадочно пробормотал.

– Злющая баба! – сообщил нам доктор, почему-то игриво подмигнув, точно в этом заключалось что-то пикантное. – И скажите мне, пожалуйста, почему это чем женщина красивее, тем она и злее... Добрые женщины всегда бывают курносыми, рыхлыми, бесцветными... а вот в такой шельме всегда сто чертей сидит!

Доктор не то сокрушенно, не то глубокомысленно покачал головой и вздохнул.

Я невольно вспомнил красивую жену доктора, но промолчал.

– Это верно, что в каждой бабе черт сидит! – отозвался длинный Дыня, по-своему восприняв изречение доктора.

Маланья шмыгнула мимо нас и скрылась за ворота.

– Муж побил! – совершенно неожиданно проговорил Дыня и засмеялся от удовольствия.

– Разве муж бьет ее? – с удивлением переспросил тихий Милин.

– А почему – нет? – в свою очередь, удивился Дыня. – Бабу ежели не бить... – Он выразительно присвистнул и засмеялся. – Бабу бить необходимо! – помолчав, прибавил он веско и с несокрушимой уверенностью.

– Да за что же он ее бьет... такую красивую? – тихо сказал Милин.

– Красивую!.. – с негодованием фыркнул Дыня. – Может, за то и бьет, что красивая!

После этого загадочного объяснения все примолкли.

Луна лезла прямо на стол, что-то тревожила и будила в душе. Черные злые глаза красивой бабы, которую муж бьет за то, что она красива, беспокойно стояли перед нами. Стало грустно и жаль чего-то.